

колонка
Антон
Долина

раскадровка

Газета - 2004 - 20
чем чреват

шаг в сторону

м.а. - с. 13

2004 год вновь доказал, что от гламурного форума в Каннах зависят не только судьбы мирового кино, но и публичные вкусы. Фестиваль бросает кость — критики ловят тенденции, расшифровывают их по-своему и транслируют остальным. От этого искривляется прокатный процесс, дистрибьюторы делают выводы, а впоследствии, ориентируясь на кассовые сборы во всем мире (не исключая Россию), продюсеры решают, чьи проекты стоят финансирования, а чьи — нет. Все увязано. Отсюда неусыпное внимание к Каннам со стороны тех, кто там никогда в жизни не бывал, а возможно, и не побывает. Впрочем, сегодня для киномана не так уж необходимо присутствие на фестивале этого ничем не примечательного в остальные времена года городка на Лазурном берегу: большая часть каннских фильмов будет показана уже через месяц на ММКФ, а остальные неминуемо выйдут в прокат — самое позднее через год с копейками (именно так случится с прошлогодней «Золотой пальмовой ветвью», «Слоном» Гаса Ван Сента, которую москвичи увидят менее чем через месяц).

Канны наградили Майкла Мура и его «9/11 по Фаренгейту». Решение называют судьбоносным и революционным — другого от Квентина Тарантино и не ждали. Возможные политические последствия вердикта каннского жюри переоценить трудно, однако после выборов президента США они забудутся. Может, и войдут в историю, но не в историю культуры. В культуре же ничего сверхнеожиданного не произошло. Во-первых, ажиотаж вокруг премьеры «9/11 по Фаренгейту» в Каннах позволял предсказать победу — и первые отзвуки грома слышались задолго до начала фестиваля (о чем писала вся мировая пресса, добросовестно удобряя почву, на которой взросло решение Тарантино). Во-вторых, успех предыдущей картины Мура, «Буллинга для Колумбины», в Каннах-2002 и ее награждение специально учрежденным призом из рук другого американца — Дэвида Линча — позволяли документалисту надеяться на приз для куда более скандального проекта. В-третьих, картинный жест Мура на финальной церемонии (потрясенный лауреат будто произвольно поднес руку ко рту, чтобы заглушить собственную реакцию, а потом воскликнул, обращаясь к жюри: «Что вы сотворили!») был чистым театром: вернувшийся из Штатов специально к закрытию фестиваля режиссер после вручения всех призов, кроме последнего и главного, просто не мог не предположить, что «Золотая пальмовая ветвь» присуждена ему — коль об этом догадались даже журналисты, заранее аплодировавшие Муру на ступенях Дворца.

Итак, лидерство Мура — явление закономерное и почти запланированное. Как в минувшем десятилетии было модно игнорировать сиюминутную конъюнктуру, награждая «разумное-доброе-вечное» (в 1998-м «Пальмой» одарили заунывного грека Тео Ангелопулоса с «Вечностью и одним днем», полностью проигнорировав, скажем, «Идиотов» Ларса фон Триера), так теперь, наоборот, призы дают искусству сегодняшнего дня, оставляя с пустыми руками тех, кто не заботится о «газетной» современности. Так вполне ретроградские с точки зрения кино, но актуально-антиклерикальные «Сестры Магдалины» взяли в Венеции «Золотого льва», а гениальные вневременные «Куклы» не получили вовсе ничего. Так глобальный во всех отношениях «Догвилль» проиграл актуализированному «Слону». Тенденция ведет к тому, что значительные режиссеры предпочитают оставлять свои фильмы вне конкурса — так поступили Джим Джармуш с «Кофе и сигаретами», Педро Альмодовар с «Дурным воспитанием» и сам Тарантино с «Убить Билла». Те же, кто еще отваживаются состязаться, мало на что надеются — как Вонг Кар-Вай с потрясающей картиной «2046», оставленной в Каннах без малейшего приза.

Наблюдатели-критики рады злорадствовать — «вот и кончилось время старых мастеров!» Возникает теория о самоповторах, о том, что смотреть бывших кумиров стало скучно. Однако стоит внимательно всмотреться в «Жизнь чудесна» Эмира Кустурицы, чтобы понять: это во многом вторичное произведение представляет почти немислимый класс режиссуры, который, право, не снился ни Майклу Муру, ни многочисленным молодым азиатам, расхватывавшим остальные каннские призы. Но ладно уж Кустурица — лауреат всех на свете фестивалей, которому только Нобеля осталось получить. Альмодовар, к примеру, никогда в жизни не получал главного приза ни на одном фестивале, и награда за режиссуру в Каннах за «Все о моей матери» — высшая его регалия. А Вонг Кар-Вай — обладатель той же третьей степенной (хоть и почетной) награды за не лучший свой фильм «Счастливы вместе», и все! Превозносимое знатоками «Любовное настроение» удовольствовалось скромной актерской наградой для Тони Люна, а виртуозный «2046», на который режиссер убил почти пять лет, уже лишен возможности удостоиться чего-то стоящего («Оскар», видимо, исключен).

Считать, что приз в Каннах для таких мэтров — малозначительный пустяк, по меньшей мере наивно. К примеру, «Догвилль» прокатывался узко и тихо, собрал весьма немного денег; то же можно сказать и о «Куклах». Но вместо того чтобы посетовать и порекомендовать аутсайдеров хотя бы своим читателям, критики с радостью включаются в мейнстрим, смачно ставя на режиссерах, только-только вошедших в зенит творческой зрелости и решившихся на эксперимент, штамп «устарело!». Причина — одна: Альмодовар или Вонг позволили себе шагнуть в сторону от привычных стереотипов. Первый снял мрачный, запутанный, дисгармоничный фильм о последствиях страстей, а второй — многослойную и многоуровневую, абсолютно новаторскую с точки зрения композиции и сюжета, но лишнюю прозрачности предыдущей работы картину.

Похоже, нарушение горизонтов критических ожиданий — преступление почище всех злодеяний Дж. Буша-мл., изложенных Майклом Муром.